

В. А. Неволин

ЧЕЛОВЕК, ЛИШЁННЫЙ МАЛОЙ РОДИНЫ

Виктор Андреевич Неволин

Человек, лишённый малой родины

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18416332

*Человек, лишённый малой родины / Неволин, В.А.: РАСТР; Красноярск ;
2014*

Аннотация

Прошло более 80 лет после проведённой кампании по «ликвидации кулачества как класса», охватившей миллионы сельских тружеников, которые были сосланы вместе с семьями в необитаемые места. В этой книге автор, участник ссылки, рассказывает правду об этой трагедии.

Содержание

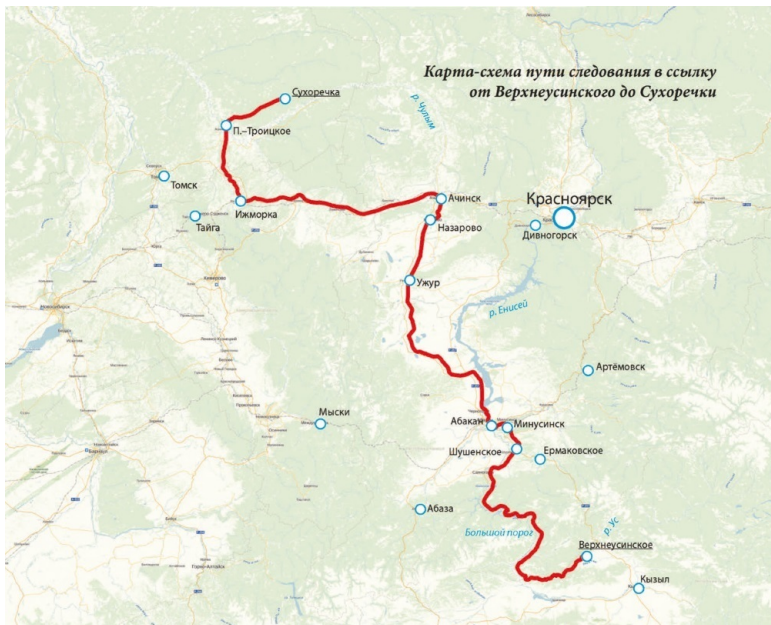
Предисловие	9
Моя малая родина – Верхнеусинское	13
Странички детства – начало начал	13
Мои предки – первые жители Верхнеусинского	19
Жизнь по старинным канонам	27
Революция. НЭП	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктор Неволин

Человек, лишённый малой родины

Автор выражает сердечную благодарность за редактирование и подготовку рукописи к изданию:

Юрию Алексеевичу Кирюшину Владимиру Павловичу Зыкову Ольге Владимировне Разумовой и за техническую помощь в моей работе своим внукам Артёму и Ксени.

В книге использованы фотографии из архива автора.

Об авторе

Виктор Андреевич Неволин родился 3 марта 1926 года в селе Верхнеусинском (ныне Ермак,веского района Красноярского края) в семье крестьянина-старообрядца. В 1931 году вместе с родителями и другими односельчанами, официально признанными кулаками, был выслан в необжитые болотистые места Томской области. Участник Великой Отечественной войны. В течение восьми лет проходил службу на кораблях и в частях Военно-морского флота СССР. В 1956 году после окончания геологического факультета Томского государственного университета направлен на работу в трест «Енисейзолото». В Северо-Енисейском районе Красноярского края работал участковым геологом на Советском руднике, начальником поисково-разведочных партий. В дальнейшем двенадцать лет подряд избирался первым секретарём райкома КПСС Северо-Енисейского и Мотыгинского районов, а с 1973-го по 1993 год был руководителем геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, Хакасия и Тува). С выходом на пенсию создал ООО «Научно-производственный центр «Центрсибгео» и был его бессменным директором до 2013 года.

Окончил институт управления народным хозяйством АНХ СССР. Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог РСФСР, лауреат Государственной пре-

мии СССР за открытие и разведку Олимпиадинского золоторудного месторождения. Почётный геолог Монголии. Награждён тремя орденами и двенадцатью медалями. С 1972-го по 1990 год избирался депутатом Красноярского краевого Совета народных депутатов. Почётный гражданин Красноярского края (2002).

Предисловие

Посвящается памяти раскулаченных крестьян Усинского, Ермаковского, Богградского, Аскизского, Шушенского, Курагинского, Каратузского, Бирилюсского и других районов Красноярского края, оказавшихся вместе со мною в ссылке в томской заболоченной тайге в 30-40-е годы XX столетия.

В 2012 году вышла из печати «Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края». В одиннадцатый том Книги памяти включены списки граждан, раскулаченных на территории Красноярского края в 30-е годы XX столетия.

Этот капитальный труд выполнен редакционной коллегией, состоящей из представителей правительства края, архивного агентства, главных управлений МВД, ФСБ края, общества «Мемориал» и других организаций.

Книгу памяти мне подарил А.А Бабий – председатель общества «Мемориал», за что ему искренне благодарен.

Среди сотен фамилий высланных раскулаченных крестьян я нашёл нескольких Неволлиных, в том числе и членов моей семьи, и себя, родившегося в 1926 году, а также фамилии многочисленных семей: с детьми я учился в школе и знал их родителей во время пребывания в ссылке.

В этих списках указывается, куда эти семьи высланы,

большинство «высланы в Томскую область». Вот и все сведения о крестьянах, сосланных из южных районов края. Наверное, ознакомившись со списками, многих читателей заинтересует дальнейшая судьба этих людей, направленных в ссылку для так называемого трудового перевоспитания, как тогда её называла власть.

Не менее важным источником сведений о репрессиях по политическим мотивам в период 1950-1950-х годов, по ст. 58 УК, являются книжные заметки «Боль и память», изданные в Ермаковском районе, которые по моей просьбе привёз в Красноярск глава администрации района Б.И. Ситников. В этом небольшом издании пофамильно перечисляются сотни, преимущественно малограмотных, крестьян, которые прошли тюрьмы, лагеря, и многие из которых были расстреляны за якобы антисоветскую деятельность или были предполагаемыми агентами зарубежных разведок. Среди них тоже имеются мои родственники.

Прошло более 80 лет после проведённой государственной политической кампании по «ликвидации кулачества как класса», охватившей миллионы сельских тружеников, которые были сосланы вместе с семьями в самые северные, глухие, необитаемые места. Нас мало осталось в живых – тех, кто испытал все ужасы жестокой, бездумной и бессмысленной политики против своего народа тогдашнего руководства советской власти.

Сегодня эти события уже ушли в историю. Но мне ду-

мается, что кто-то должен рассказать правду об этой трагедии в деревнях в южных районах Красноярского края в 1950-х годах. Вот я и решил попытаться это сделать, поскольку был не только свидетелем, но и её участником.

Давно нет в живых моих родителей, умерли и мои братья, нет вокруг меня и людей, прошедших ссылку, которые бы могли напомнить об отдельных моментах нашей тогдашней жизни. Поэтому в своём повествовании я использую свою память – память пятилетнего на начало ссылки мальчишки, и отдельные заметки, памятки и дневниковые записи, которые я пытался в своё время делать.

Воспоминания писались долго и мучительно, много раз начинал их и бросал. Немалую трудность в этом деле для меня представляло описание прошлых событий, чтобы они были беспристрастными и объективными даже на примере моей семьи.

В моих рассказах нет никакого вымысла. Все действующие лица названы своими подлинными именами, и все события имели место в определённое время. Что же касается оценок тех политических событий и действий тогдашнего руководства страны, то это лично моё мнение, моя личная правда, и я их никому не навязываю.

Первоначально воспоминания писались и предназначались для узкого круга: моей семьи, родственников, друзей и людей, к которым я испытываю глубокое чувство уважения и почтения. Однако когда я ознакомил с материалами краснояр-

ского книгоиздателя ЮЛ Кирюшина, то он увидел в них социальную значимость, порекомендовал издать небольшую книгу, и я охотно с ним согласился.

Моя малая родина – Верхнеусинское

Странички детства – начало начал

С чего начать мне свою исповедь, мою «заповедную книгу»? Конечно же, с тех, кого я запомнил первыми: с моих родителей, самых дорогих моему сердцу отца и матери. Что мне помнится о них? Что вспоминается в первую очередь? Мои отец и мать были вечными тружениками. И первыми мне вспоминаются картины труда.

Мой отец Андреян Неволин был отличным косарём. Высокий, плечистый – рост под 190 сантиметров. Недаром в дореволюционное время его определили в царскую гвардию, а туда брали истинных русских богатырей! А подлинная отцовская красота лучше всего видна была в работе. В косьбе у него каждая заходка, сделанная «литовкой», в два раза превышала наши. Косил он чисто, низко, не оставляя после себя травы. Жалко, не устраивали ни тогда, ни после соревнований по косьбе. Уверен, мой отец обязательно стал бы чемпионом. Таким навсегда он и остался в моей памяти: статным, молодым и красивым, полным сил. Несмотря на жизнь, полную лишений, он прожил девяносто лет!

Отец был истовым тружеником, а по вере – обычным старообрядцем. Ему чужды были всякие политические симпатии и антипатии. Считал, что вся власть, которую заслужил народ, от Бога. И потому не оказывал никому предпочтений. Во время гражданской войны этот бывший элитный гвардеец не служил ни в белой, ни в Красной Армии. Действия тех и других считал противными Богу. А угодными Богу считал постоянный труд во имя семьи, во имя детей, которых у него с матерью за какой-нибудь десяток с гаком лет семейной жизни накопилось аж семеро. Когда тут заниматься политикой? Надо было поднимать детей. И делать своим трудом жизнь ото дня ко дню всё лучше и зажиточнее.

По своей натуре Андреян Неволин был, как и все физически сильные люди, мягким человеком. Всегда старался помочь слабым людям, нуждающимся в милосердии. Был уважительным к окружающим. Такое же отношение у него было и в семье: к жене, детям, всем родным. Маму он всегда звал Шима, собственную мать мамонькой, детей – сынок, доченька, знакомых – по имени и отчеству. Обращаясь к женскому полу уважительно говорил в зависимости от возраста «барышня» или «сударыня» (должно быть, набрался такой обходительности за время царской службы в Петрограде, в гвардии). Здороваться всегда старался первым.

Основным его занятием было земледелие, охота, рыбалка. Осенью он выезжал в Минусинск, где работал забойщиком скота, который купцы пригоняли из Тувы и Монго-

лии. Кроме того, ямщикил – возил грузы по льду рек в город и обратно. Жена ему народила много ребятишек. Надо было их кормить и одевать. С помощью родного дяди Павла Трофимовича отец со временем построил на берегу реки Уса пятистенный дом, где и обустроивался со своей обычной добросовестностью и обстоятельностью. Ему было чем заняться.

Женился отец в 1918 году вернувшись домой после окончания царской службы и завершения германской войны. Жене его, Ефимии Евстигнеевне Пичугиной, как и отцу, было двадцать лет. Оба были малограмотными, окончили по два класса сельской приходской школы. И до самой смерти мама была ему верной и надёжной подругой.

Жизнь её была нелёгкой. К 1931 году, к моменту ссылки, она успела родить семерых детей. Шестеро выжили, умер только один. И ей надо было одной управляться с этакой оравой: каждого накормить, напоить, одеть, обмыть. И к тому же она была вечной работницей не только дома, но и в поле. Умела выполнять мужицкую работу и часто это делала. Могла запрячь и оседлать лошадь, умела ездить верхом. По-мужицки косила и убирала сено, серпом жала рожь и ячмень. Когда выпадало время, ездила или ходила за грибами и ягодами.

*Моя мама со своими детьми в гостях у матери и сестёр
Пичугиных. Лето 1926 года*

Настоящими крестьянами не становятся. Ими рождаются. Деревенские дети сызмала познают хлебоборбский труд, знают цену куску хлеба. Любовь к природе, к родной земле, к своему месту обитания – малой родине, у них в крови. Настоящий крестьянин знает запах земли. По нему он определяет, когда надо сеять. Землю он чувствует, как самого себя. Так же отец с матерью воспитывали и нас, своих детей, готовя себе смену, растили будущих кормильцев. Но всё случи-

лось не так, как они задумывали.

Мне было пять лет, когда моих родителей в мае 1931 года выбросили из родного дома под лозунгом раскулачивания, а практически за то, что они не вступали в организуемую коммуну, и в сопровождении конвоя отправили в ссылку на север за 1200 километров в томскую заболоченную тайгу, где и прошло моё детство. Но я до сих пор помню в мельчайших подробностях моё родное село и всё, что там было.

Помню, как мой отец сажал меня верхом на нашу кобылицу Серуху как он возил меня на Дутовскую водяную мельницу на речке Макаровке. Помню, как моя мама водила нас, целый детский «выводок», к своей матери и сёстрам на Зелёную улицу в воскресный день. Помню, как мы, ребяташки, ловили усачей в речке Макаровке. Чётко помню, какая у нас была обстановка в доме: кухня, горница, в которой размещались восемь человек, отдельная комнатка нашей бабоньки Устиньи Васильевны. И, конечно, отлично помнятся полати, куда нас, детей, забрасывали, как котят, на ночь спать.

Хозяйство родителей состояло из пятистенного деревянного дома, построенного самими родителями (площадью где-то 50–60 квадратных метров, раза в два меньше, чем наша квартира в Красноярске сегодня). В хозяйстве было две лошади – Гнедуха и Серуха. Первая была иноходцем. Было ещё две коровы, тёлка, свиноматка и шесть овец. Батраков у нас не было. Имелось также несколько гектаров земли возле сопки, выделяющейся на фоне села. Земля была каменистая

и малоплодородная. Сеяли зерновые. Нередко из-за ранних морозов они не успевали. В общем, жили натуральным хозяйством, как и все односельчане. Летом – земледелие, сбор грибов и ягод, осенью – заготовка кедровых орехов, рыбалка. Когда выпадал снег, начиналась охота на белку и соболя. Весной – поимка диких маралов для маральника. Зимой занимались извозом: возили грузы по ледяному Усу и Енисею до Минусинска. Жизнь проходила в труде и заботах круглый год.

Мои предки – первые жители Верхнеусинского

А сейчас от отца с матерью я хочу вернуться в более древние года – к самым истокам моей малой родины. И мне особенно приятно, что первые ростки на усинской земле пошли от «неволинских корней».

Одним из таких «корешков» был мой прапрадедушка по линии отца – Иван Яковлевич Неволин (по рассказам моих родственников, других сведений не имею). Он вместе со своими сыновьями Игнатием и Алексеем, а также дочерью Марией приехал на речку Ус в 1851 году. Вместе они и основали в ста километрах от «центра Азии», будущего Кызыла, старообрядческое поселение, названное позднее Усинским (ещё позднее оно разделилось на наше Верхнеусинское и Нижнеусинское – на другом берегу Уса). Облюбовали эти места за живописную природу, хорошие охотничьи и рыбные угодья, за яркое приветливое солнце и реки с прозрачной водой.

Путь в будущее Верхнеусинское был долгим и многотрудным. Старообрядцы шли сюда с Беломорья. Вначале они добрались до Урала и несколько лет жили в Пермской губернии, отовсюду гонимые за свою приверженность к старой вере. Далее в их странствиях были реки Тобол, Ишим и другие воды и горы. Но главное направление маршрута не меня-

лось: годами крестьяне-староверы шли на восток, навстречу солнцу. Шли-шли и неизвестно, через сколько лет, наконец добрались до Минусинской котловины – до Енисея и Тубы, обосновавшись сначала в деревне Быстрой. Правда, и здесь они не почувствовали приволья. И здесь, как везде, власти притесняли их, не давали жить и молиться своему Богу, как хотелось.

Река Ус – приток Енисея

Всем известно, как столетиями истово русские раскольники искали Беловодье – свою землю обетованную. И Сая-

ны оказались одним из немногих на земле мест, где старообрядцы это Беловодье нашли. Недаром уже несколько столетий до нашего времени в Саянских горах было много селений приверженцев «истинной древней» веры. Братьям Неволиным повезло оказаться в числе тех удачливых староверов-первопроходцев.

Большой порог на Енисее

Как это произошло на самом деле? Весной братья из Быстрой отправились вверх по течению по правому берегу Енисея. Пробирались пешком через труднопроходимые места, через пороги и скалы, питаясь тем, что могли найти и добыть в тайге. Тогда на их пути считался самым трудным и неприступным Большой Енисейский порог, но и его они преодолели. Пройдя порог, встретили впадающую в Енисей справа быстроходную горную реку. Пошли вверх по её течению, пока не добрались до Усинской котловины. Там и облюбовали для себя удобную стоянку, наметив её для будущего постоянного поселения. Осенью того же года братья сплавились на плотиках обратно по Усу и Енисею до Минусинска, а на следующий год двинулись со своим скарбом и домашними животными к выбранному месту.

Русских поселений здесь в то время не было, видели нескольких тувинцев.

От Усинска до Минусинска позже была проложена горная тропа 180 вёрст. По ней возили и почту: летом на лошадях, а зимой на лыжах. Колёсную дорогу в Усинск проложили в 1914 году. Строили её заключённые. Все земляные работы велись вручную. К строительству дороги привлекались и усинские мужики.

Первые поселенцы – старообрядцы жили плохо. Хлеб не родился. На низах он замерзал. Ели солодушку, лебеду, гни-

лушки. А потом стали корчевать березняк на склонах гор и террасах, пахать на возвышенности, создавать там пашни. И стал родиться хлеб. Хлебопашество, скотоводство, охота и мараловодство (с 1920-х годов) стали основными занятиями усинцев.

Землю после раскорчёвки пахали деревянным плугом, который везли четырьмя лошадьми, поскольку рельеф горный, а земля каменистая. Хлеб сеяли руками, жали серпами, молотили палками – «цепами». Мельниц не было. Зерно для муки толкли в ступах.

Одежду мастерили в основном сами. Полотно ткали из волокна, получаемого из льна и конопли, фуфайки вязали из овечьей шерсти. Бельё нижнее и верхнее было всё холстяное. Обувь шили из самодельной кожи: для мужчин так называемые бродни с длинными голенищами, которые подвязывали ниже колен, а для женщин короткие. Лишь в начале двадцатого века появились сапоги.

Женщинам запрещалось носить брюки или штаны – грех! Зимой и летом носили только юбки, и они, бедные, работая на улице в морозы, мерзли и простужались.

В 1855 году наш прадедушка Трофим Иванович Неволин женился на Марии Яковлевне Черноусовой, и у них появились дети: три сына и три дочери – Моисей, Павел, Степан, Екатерина, Василиса и Елена. Трофим Иванович был неплохим плотником. Он одним из первых в посёлке построил пятистенный дом с надворными постройками, просторный ам-

бар. Человек он был работящий. Любил охоту и рыбалку, зимой возил по найму груз в Минусинск для купцов, был лоцманом на Енисее. Терпел и бедствие на речных перегонах. Большой Енисейский порог не раз испытывал на прочность купеческие караваны. Был случай, когда все плоты разметало на брёвна и погибли все. В живых остался только наш прадедушка.

Мой дедушка Моисей Трофимович Неволин родился в 1870 году (ровесник В. И. Ленина – единственная деталь биографии, которая объединяла моего предка с пролетарским вождём). Бабушка моя по линии отца Устинья Васильевна Петрова родилась в 1875 году. Перед замужеством она жила в деревне Быстрой в пяти километрах от Минусинска. У неё было три брата: Артемий, Иван и Самойло, и три сестры: Федосья, Аксинья, Анастасия. В 1894 году мои дедушка и бабушка поженились, и Моисей увёз невесту из Быстрой в Усинское. Через год у них родился сын Фёдор, но он рано умер – в четыре года. Затем появились сыновья Андреян, Павел и дочь Нюра. Вскоре и вся семья Петровых переехала в Усинское.

Наш дедушка Моисей Трофимович не любил ни охоту, ни рыбалку и больше занимался хозяйством, лошадьми. Он был совсем неграмотным. В 1905 году Моисей Трофимович со своим братом Степаном на лошадях поехал в Минусинск. Дедушка ехал по Енисею первым. Зимник замело, и дороги не было никакой. Кое-как зимний обоз добрался до Боль-

шого Енисейского порога. Кто-то крикнул сзади: ездай! Но только Моисей Трофимович со своими лошадьми выбрался на лёд, как льдину оторвало и понесло в незамёрзшую круговерть. Все вразной заорали изо всех сил: «Бросай лошадей, спасайся! Беги!»

Быстрое течение успело отнести льдину далеко от берега. Чтобы добраться до него, пришлось бросаться в Енисей и плыть. Люди на берегу поймали тонущего, помогли выбраться из кипящего ледяного омута. А лошадей вместе с санями унесло под лёд. Настоящая катастрофа для крестьянина! Но этим дело не кончилось. Хотя дедушку на морозе растёрли спиртом, как могли, он сильно переохладился, простудился, долго болел, когда его привезли домой, и так и не оправился – умер в 1906 году 36 лет от роду, оставив троих детей сиротами.

Жизнь по старинным канонам

Так мой отец Андреян Неволин восьми лет от роду стал главным, самым старшим мужиком в семье. Сам он родился в 1898 году. А двумя годами позже, в 1900 году, появился на свет его брат Павел, в 1904-м – сестра Нюра. Восемь лет, шесть лет и два года – таким предстало младшее поколение Неволиных перед будущей неизвестностью, безотцовщина, ничем не защищённое перед превратностями жизни.

Вся надежда была на родственников. Дедушка и его братья жили очень дружно. Сообща построили себе дома. Детей рано приучали к работе – боронить, пасти лошадей, гонять скотину на водопой, чистить глызы, быть погонщиками при пахоте (Гусевым), помогать при скирдовании сена и так далее. На детские игры оставалось совсем мало времени, но кому до этого было дело? Ведь так жили и все остальные дети. Хорошо ещё, что мой отец, как и мать, сумели получить двухлетнее образование, умели считать. И хотя они были малограмотными, большего для деревенской жизни не требовалось. А детские игры всё-таки не прошли мимо них: игра в бабки, лапту, городки, в почекушку. Дети катались на самодельных коньках и лыжах, ходили на ходулях, рано общались к рыбалке и охоте. Впрочем, это уже была следующая ступень – шаг к взрослой жизни.

Храм во имя Святителя Николая в Верхнеусинском. Разрушен в 1929 году

Ребятишки в деревне росли закалёнными, физически сильными, хотя и не всегда здоровыми. Ведь никакой медицины не было. Одежда у них была плохонькая, и они часто простужались. Нередко надсаживались при перевозке и переноске грузов, часто недоедали. И с самых ранних лет труд был спутником сельской детворы. Все рано приучались ездить на лошадях, учились их запрягать, седлать, завьючивать. Девочки сызмала водились с младшими братьями и сестричками, учились доить коров, печь хлеб, вязать одеж-

ду, работать на самопряхе и другим домашним делам.

У старообрядцев были свои религиозные каноны, правила поведения, которые неукоснительно передавались по наследству. Каноны нравственности – почитание родителей и приветствия по старшинству. Был обычай, по которому все мужчины не брились и носили бороды, волосы стригли под кружок. Идёшь по улице – обязательно со всеми здороваешься, снимая шапку. Дети при встрече низко кланяются старшим. Заходишь в любой дом – снимаешь головной убор. В каждом доме в переднем углу обязательно есть иконы, и когда зашёл, молишься, отдавая три поясных поклона, и говоришь: «Здравствуйте!» Тебе обязательно ответят, и лишь тогда можешь садиться и говорить. При прощании говоришь: «До свидания!»

Усинская тайга

Все большие и маленькие, взрослые и дети, носили поясок. Если пояска нет, тебя не пустят за стол. Когда садишься есть, должен помолиться – положить три поклона с молитвой. И когда поешь, тоже молишься, благодаришь Бога, и только потом выходишь из-за стола. Курить в доме не разрешалось никогда, даже гостю, – большой грех. В Усинском почти никто не курил, хотя здесь жили не только старообрядцы. Всего в селе насчитывалось семь религиозных направлений. И это при трёхстах дворах! Даже старообрядческих было несколько толков, несколько «церквей»: белопоповская,

австрийская, окружная и другие.

Были и обычные православные – никониане. И даже баптисты. И никому они не мешали, а тем более друг другу. Каждый молился своему Богу. Споры между религиозными объединениями шли своим порядком, и каждый считал свою веру лучшей и справедливой. И только большевикам стали неудобны все верующие. И не просто неудобны, а враждебны: кто не с нами, тот против нас!

Во время постов и в постные дни – среду и пятницу – у старообрядцев молочное не ели даже маленькие дети. Перед сном все молились. Вставая утром, опять молились. Умоются, опять молятся. Поклонный начал – обязательно.

Но продолжу рассказ о сиротском детстве отца. Когда ушёл из жизни Моисей Трофимович, старшему из детей Андреяну, моему отцу, исполнилось восемь лет. Бабушка Устинья Васильевна растила троих сирот одна, замуж больше не выходила. Большую помощь ей оказывал брат дедушки Павел Трофимович Неволин. Дети почитали его, как отца родного. И всё-таки Андреян считался самостоятельным хозяином. Учился всё делать сам. Был занят делом с темна до темна и зимой, и летом. Зимой, правда, была ещё школа, но летом только работа.

После окончания двухлетней приходской школы отца отдали поучиться церковно-славянскому языку. Учил его донской казак Яков Дементьевич в избушке за рекой в Нижнеусинске. «Учебная группа» состояла из шести человек А.

Неволин, В. Петухов, В. Осипов, В. Петров, Путинцев, Т. Михайлов. Им преподавали восьмиклассное крюковое пение октай, а также всю службу церковного старообрядческого богослужения.

В 1911 году умерла наша прабабушка по линии мамы, Мария Яковлевна. О дедушке по маминой линии у нас мало сведений. По рассказам мамы и её сестер, Евстигней Пичугин был среднего роста, крепкого телосложения, со скуластым лицом, энергичный и сообразительный. Сельское хозяйство он не любил и практически им не занимался. Хорошо знал тувинский язык и монгольскую грамоту. Купцы нередко брали его переводчиком при выездах за границу и при проведении торговых сделок или в поисках угнанного тувинцами скота. Человек он был крутого нрава, любил выпить. Умер дедушка Евстигней рано, а бабушка Арина умерла в тридцатых годах. Жили они на Зелёной улице в Верхнеусинском.

Зимой усинские мужики продолжали ямщичить, возить грузы в Минусинск и обратно. На сани обычно брали 3–4 центнера груза и отправлялись за 500 вёрст в один конец. Обоз шёл со скоростью четыре километра в час. Через каждые 45–50 километров были устроены станки для отдыха людей и лошадей – десять станков по всему маршруту от Усть-Уса по Енисею до Минусинска. В летнее время этот путь преодолевался по воде, на плотках, но был он очень опасным, особенно у Большого порога. Много человеческих жертв и всякого добра принял Енисей за долгие годы ямщины.

Революция. НЭП

А годы тем временем шли да шли. Когда началась Первая мировая – «германская» – война, отцу исполнилось шестнадцать лет. Отцовский призывной возраст подошёл в 1916 году. Призвали и его послужить «царю и отечеству». До сборного пункта в Ачинске он добирался долго, через горные Саяны. Однако успел в свой срок. По своим физическим и умственным данным Андреян Неволин, как я уже писал, подошёл для службы в царской гвардии. Высокий, стройный, подвижный, темноволосый, с правильными чертами лица, не рыжий и не конопатый (это тоже учитывалось при отборе в гвардию), немного грамотный, что тоже было плюсом.

Но служить царю и отечеству отцу долго не пришлось. В феврале 1917 года «Божий помазанник» добровольно отрёкся от престола, и гвардию вскоре расформировали. Рядового Андреяна Неволина отправили дослуживать в артиллерию в действующую северо-западную армию. К счастью, он остался жив и невредим и после демобилизации снова вернулся на свою малую родину в Верхнеусинское, лучше которого на всей земле не видел и не желал.

Возвращаясь домой, демобилизованный солдат уже видел по пути начинавшуюся в России заваруху, организуемую противоборствующими политическими партиями. Перед отъездом из Петрограда в период демократического без-

времени Андреян видел и слышал Троцкого на одном из политических митингов. Слышал и других большевиков, эсеров, анархистов и прочих горлопанов. Случайно довелось увидеть и арестованную семью царя, которую везли на восток, в Тобольск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.